Л.В.Шапошникова

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КРАСОТЫ

ББК 71.0
Ш 24

Людмила Васильевна Шапошникова

Тернистый путь Красоты

Москва, Международный Центр Рерихов, 2001
752 с., в т.ч. текст 336 с., цв. вкладка 416 с.

Новая книга Л.В.Шапошниковой "Тернистый путь Красоты" рассматривает проблемы философии искусства в свете процессов Космической эволюции человечества. Мир, оказавшийся в XX веке на пороге нового эволюционного витка, стал свидетелем Духовной революции в России. Философия Серебряного века, символизм, Учение Живой Этики и другие явления Культуры определили содержание этой революции. Она должна была изменить духовную структуру человека, сформировать новое космическое мышление, расширенное, то есть высокое сознание. В творчестве таких личностей, как В.С.Соловьев, М.К.Чюрленис, А.Н.Скрябин, Н.К.Рерих, искусство стало пространством взаимодействия с Высшим, через сотворчество с которым человек, постигая высокий смысл Красоты, обретал свой Путь к Преображению, новому творчеству, Новому миру.

Обширный изобразительный материал, включенный в издание, позволит читателю почувствовать особенности воплощения Красоты в зримых формах, присущие разным эпохам, направлениям, художникам.

ISBN 5-86988-112-0

© Л.В.Шапошникова, текст, 2001
© Международный Центр Рерихов, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ЧАСТЬ I. ТРОПА СВЯТАЯ

1. «Тень Люциферова крыла» 12
2. «Уста, запекшиеся кровью...» 24
3. Свет миров иных 36
4. Дух воспринимающий и претворяющий 44
5. Тропа святая 58
6. Унесенные Хаосом 94
7. Звездный цветок 110
8. Свет Фаворский 132

ЧАСТЬ II. НА БЕРЕГАХ ИНЫХ МИРОВ

1. Явление странствующего рыцаря 148
2. На берегах иных миров 180
3. Мистерия Нового мира 204
4. Держава Рериха 218

ЧАСТЬ III. ВОСЬМОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

1. «Купание красного коня» 252
2. Жизнь и гибель «Амаравеллы» 262
3. Прорыв 274
4. Карнавал Красоты 286
5. Восьмой день творения 294

Примечание 312
Список иллюстраций 326

ЧАСТЬ I
ТРОПА СВЯТАЯ

И снова — а может быть, лишь впервые —час жизни внутренне совпал с часом искусства. Или, вернее, час человеческой жизни, ищущей нового крещения, подошел к Иордану искусства, ибо только искусство, только действительное творчество, во всякой своей мере и степени, есть единственно возможное чудо преображения в своем Творце и только оно одно и служит беспрестанному преображению жизни.

Юргис Балтрушайтис

1. «ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА»

Лик безумия сходит в мир, и все мы стоим перед страшною опасностью.

Андрей Белый

Очень важное время. Пространство вибрирует, и вихри мощны.

Иерархия, 405

В ту ночь, наполненную сверканием огней, вспышками фейерверков и криками собравшихся на улицах людей, планета Земля встречала Новый год. Стреляли пробки, пенистые фонтаны шампанского вырывались из бутылок, гремела музыка, в переполненных ресторанах под гитарный перебор звучали цыганские хоры. По Невскому, сквозь заснеженную ночь, мчались тройки с загулявшими «господами», на окраинных, плохо освещенных улицах играли гармоники и лихой перепляс будил уже уснувших обывателей. В Зимнем дворце желто и празднично светились окна, царская семья участвовала во всеобщем торжестве. Столица России встречала не просто Новый год, а новый век. Век двадцатый. Последний век второго тысячелетия от Рождества Христова. Люди кричали, пели, танцевали, чокались и поздравляли друг друга, не подозревая о том, что их ждало.

Новый наступивший век оказался зажатым между двумя тысячелетиями — вторым и третьим. В нем встретились прошлое и будущее, и эта встреча определила его непростую судьбу. Спираль Космической эволюции неотвратимо подходила к новому витку, который нес немало неожиданностей, бед и потрясений. Планета не была готова ни духовно, ни энергетически к предстоявшим переменам. Но все это проявится позже, а пока жизнь представлялась вполне устойчивой и надежной. Первые годы XX века, как казалось людям, не сулили особых неприятностей. И только наиболее тонко и интуитивно чувствующие личности, поэты, философы и художники думали по-другому. Для Андрея Белого звонил его серебряный колокол, который не был слышен окружающим. В знаменитой «башне» Вячеслава Иванова, в изысканной театральной гостиной Веры Комиссаржевской, в домах Петербурга и Москвы, где вечерами собирались художники и писатели, музыканты и философы, говорили об Атлантиде и гибели Вавилона, о жестокой волне варваров, сокрушившей древний Рим. В этих разговорах были своя таинственная подоплека, свой полет мысли и нарастающее беспокойство, как будто где-то и вправду позванивал серебряный колокол.

В духовном пространстве XX века шли и завершались процессы, материя которых накапливалась в течение предыдущих тысячелетий. И в них ярче, чем когда-либо, проявлялись полярные силы, носившие уже не планетарный, а космический характер. В этой полярности было заложено столкновение энергетических противоположностей — порядка и хаоса, добра и зла, любви и ненависти, света и тьмы. Менялись устоявшиеся представления о времени и пространстве, о движении жизни, которая набирала необратимое ускорение, нарушая обычное течение исторического процесса и изменяя его привычный смысл. «Куда мы летим? — писал Андрей Белый. — Над чем повисли? Что с нами будет? Нужно готовиться к нежданному,

чтобы оно не застало врасплох, потому что буря близка — волны бушуют и что-то страшное поднимается из вод» [1].

«Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве новом,
Словно — в новых временах» [2], — вещал Александр Блок.

«Планета совершает круг, — отмечали авторы Живой Этики, — который приводит все к завершению. Приходит время, когда каждое начало должно выявить весь свой потенциал. Эти круги рассматриваются в истории, как падение или расцвет. Но нужно принять эти ритмы, именно, как торжество Света или тьмы. Настало время, когда планета приближается к такому кругу завершения, и лишь самое насыщенное напряжение потенциала даст победу. Круг завершения пробуждает все энергии, ибо в окончательной битве будут принимать участие все силы Света и тьмы, от Самого Высшего до отбросов. Чуткие духи знают, почему проявляется столько Высшего и наряду с преступным и косным. В бою перед кругом завершения будут состязания всех пространственных, земных и надземных Сил» [3]. Круг завершения означал начало той космической битвы между Светом и тьмой, которая обычно предшествует резкому эволюционному движению планеты вверх и выходу ее на новую эволюционную орбиту. Там, на этой орбите, светили огни Нового мира и Нового неба. Но планета несла еще свой старый груз, перегрузка была чревата небывалыми опасностями и катаклизмами.

«Современное сознание переживает крайне любопытный, можно сказать, единственный момент. Ощущается <...> почти как навязчивая идея, приближение некоего переворота, изменения. Может быть, завтра все станет другим: другая действительность, другие люди и другое солнце. Чувствительность повышена, развивается тревожная нервозность, как перед грозой, в атмосфере, насыщенной электричеством, таящей молнии и гром» [4], — писал один из авторов «Золотого руна» в 1909 году.

И еще: «Мы переживаем кризис, тем более мучительный, что он совершается помимо нашей воли, я бы сказал, космически. Что-то зреет, что-то таит в себе будущее. Все области культуры, даже обыденной жизни, испытывают превращения. Сами души меняются: что-то бродит в них, что одни готовы назвать пороком, а другие — прозрением и предчувствием лучшего» [5].

Сдвигались нравственные ориентиры, расплывалась граница между добром и злом, душевный мир человека подвергался вторжению каких-то таинственных сил и наитий. В творческом пространстве русского искусства и философии наступавший грозный период назвали «ночью». Ночью Апокалипсиса, так непохожей на ту новогоднюю, с которой начинался век XX. «...В апокалиптическом времени, — писал в 1918 году А.Н.Бердяев, — величайшие возможности соединяются с величайшими опасностями. То, что происходит с миром во всех сферах, есть апокалипсис целой огромной космической эпохи, конец старого мира и пред-

дверие нового мира. <...> В поднявшемся мировом вихре, в ускоренном темпе движения все смещается со своих мест, расковывается стародавняя материальная скованность. Но в этом вихре могут погибнуть и величайшие ценности, может не устоять человек, может быть разодран в клочья» [6]. Ослабление материальной скованности жизни сочеталось с ощущением текучести, переливчатости этой жизни. Сам мир терял опорные вехи, становился зыбким, подобно миражу, встающему в раскаленном воздухе нездешней пустыни. Явления утрачивали былую ясность, окончательную познаваемость и обнаруживали в своих глубинах новые сложности и неожиданные тайны, о существовании которых раньше никто не подозревал. Наука обогатилась многими открытиями, такими как, например, делимость атома, бывшего до этого в сознании человека плотным «кирпичиком» мироздания. Материя стала дробиться на множество составляющих, которые до поры до времени были скрыты в ее беспредельной глубине. Глубина эта увеличивалась до космических размеров, и оттуда доходило зовущее дыхание Инобытия.

Различные способы и формы познания реальности стали как бы сами собой постепенно сливаться, стремясь осуществить тот искомый синтез, который только один мог продвинуть человечество к нужным ему высотам Знания. Все значительнее и ценнее становились нахождения искусства с его интуицией, предощущениями и пророчествами. В его энергетическом поле все ярче и ярче разгоралась таинственная и непостижимая заря космической пришелицы — Красоты и росло предчувствие ее необходимости для человека в его материально-плотной среде обитания.

Космический ритм человеческой истории и эволюции вел к поиску аналогий в истории прошедших тысячелетий с тем, что происходило в XX веке. Было ли что-либо подобное в прошлом? Многие видели нечто схожее с тем, что происходило в последние века, предшествовавшие нашей эре, когда гибли незыблемые империи и вечная культура античности, казалось, уходила в небытие, сокрушаемая неожиданной и неясной силой. Эта же сила в далеком прошлом сдвинула с насиженных мест целые народы и бросила их на поиски неведомых земель, призрачного счастья и извечно убегающей линии горизонта. Земля завершала свой очередной эволюционный виток, и человек все яснее слышал таинственные Веления Космоса. Через несколько веков вслед за всем этим пришел Великий духовный Учитель по имени Христос и началась Духовная революция, изменившая сознание людей и создавшая тот Новый мир, который просуществовал в духовном пространстве земли вплоть до наступившего тогда XX века. «...Старая половина таяла, — писал А.Блок о первых веках нашей эры, — умирала и погружалась в тень, новая вступала в историю с варварской дикостью, с гениальной яростью. Но сквозь величественные и сухие звуки римских труб, сквозь свирепое и нестройное бряцание германского оружия уже все явственнее был слышен какой-то третий звук, не похожий ни на те, ни на другие; долго, в течение двух-трех столетий заглушался этот звук, которому, наконец, суждено было покрыть собой все остальные звуки. <...> В те времена эта сила называлась христианством» [7].

Говорят, что исторические аналогии ничему не учат. Возможно, это так. Но что-то осмыслить с их помощью можно, тем более если это прошлое каким-либо образом

вдруг напомнит о себе. Это напоминание, как правило, приходит через искусство. Ибо это самое яркое, что может оставить нам ушедшая в небытие история народов. Но смысл этих напоминаний нужно уметь расшифровать и соотнести с нашим временем...

Три события в XX веке, определившие дальнейшую судьбу земного человечества и особенности его будущего, носили, несомненно, космический по своим результатам характер. На первое место я бы поставила Духовную революцию, эпицентр которой находился в России. Ее история – это история становления нового космического и многомерного мироощущения, история духовного процесса постижения Инобытия, осознания его реальности и его роли в эволюции человечества. И искусство, расцветом которого было отмечено начало Духовной революции, сыграло в этом процессе не меньшую, а может быть и большую роль, чем сама философия, религиозный опыт или новые научные открытия, сокрушившие старые догмы и традиционные, отжившие свой срок концепции.

Духовная революция вместе с двумя другими событиями — первой мировой войной и русской социальной революцией, оглушительный взрыв которой разрушил материю старого мира, – была неизбежным следствием тех энергетических сдвигов, которые произошли в Космосе задолго до этих событий и к своему сроку из невидимого и непроявленного превратились в действительность земной плотной материи.

Смысл этого космического действия состоял в разрушении старых, обветшавших форм бытия, в замене их новыми и в ускорении хода самой эволюции в плотном мире. Планета Земля знала подобные сдвиги в далеком прошлом, современное человечество проходило их впервые. Наступил неумолимый Срок Выбора. О нем возвестил знак, который поняли тогда немногие. В 1900 году, в последний год уходящего века, в Париже состоялась грандиозная художественная выставка, подводившая итог развитию искусства XIX века. Выставка как бы открывала ворота в новый наступающий век. Первая работа, которую увидели посетители, называлась «Врата ада». Ее автор – выдающийся французский скульптор Огюст Роден. Работа была в высшей степени символична. Над вратами сидел его знаменитый «Мыслитель». Именно ему, Мыслителю, предстояло решить мучительную проблему вставшего перед ним Выбора. «Мир земной как тупик пути — или восхождение, или разрушение <...>, — сказано в Живой Этике. — Высока Лазурь земная, но она, как шерсть перед просветлением огненным» [8].

Выбор, как и действия, его определившие, носил космический характер. «Космос созидается пульсацией, — свидетельствовали авторы Живой Этики, — иначе говоря, взрывами. Ритм взрывов дает стройность творению. Именно, знание духа переносит нить Космоса в жизнь проявленную. Надо мечом сверкающим отделить ступень нарождения. Надо сознать, когда удержать цветы света, иначе они снова разлагаются во мглу стихий» [9].

Космос предоставил человечеству возможность, свободная же его воля должна была сделать свой выбор — вверх или вниз, восхождение по пути эволюции или падение в бездну инволюции. Времени на размышление почти не остава-

лось. Мучительная точка Великого Времени светила, как мерцающая, неверная звезда в тумане плотного Бытия, готовая в любой момент исчезнуть и больше никогда не вернуться. Пророки и поэты предсказывали бедствия и наступление ночи Апокалипсиса, философы осмысливали ее значение, художники создавали загадочные и таинственные полотна, суть которых стала ясна много позже. Дыхание Инобытия коснулось плотного мира, принеся ему мечту о крыльях спасения и сны грядущей ночи. Андрей Белый в 1903 году написал два стихотворения, в которых образно и глубоко отразил то, что происходило во времени и пространстве XX века. Искусство стало на свой дозор.

Золотея, эфир просветится
И в восторге сгорит.
А над морем садится
Ускользающий, солнечный щит.

И на море от солнца
Золотые дрожат языки.
Всюду отблеск червонца
Среди всплесков тоски.

Встали груди утесов
Средь трепещущей, солнечной ткани.
Солнце село. Рыданий
Полон крик альбатросов:

«Дети солнца, вновь холод бесстрастья!
Закатилось оно —
Золотое, старинное счастье –
Золотое руно!» [10]

Смысл стихотворения достаточно прозрачен. В нем живет ощущение предстоящей ночи и заката солнца — «золотое, старинное счастье». Другое его стихотворение, кажется, о том же, но оно совсем другое – и по настрою и по образам.

Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!
<...>
Старик аргонавт призывает на солнечный пир,
трубя

в золотеющий мир.
Все небо в рубинах.
Шар солнца почил.
Все небо в рубинах
над нами.
На горных вершинах
наш Арго,
наш Арго,
готовясь лететь, золотыми крылами
забил [11].

Закат «старинного счастья» сменяется здесь ощущением нового солнца, нового дня, перед которым Арго, «готовясь лететь, золотыми крылами забил». Теми крыльями, которые должны были поднять человечество над апокалиптической ночью, провести его по эволюционной лестнице восхождения и устремить к Высшим Мирам.

Духовная революция свела воедино в тот ночной час и творцов искусства, и философов, и пророков. Если искусство, касаясь своим творчеством миров иных, предрекало будущие земные события, то философы вскрывали диалектику наступающего времени. «Через культуру, — писал Н.А.Бердяев, — лежит путь вверх и вперед, не назад, не к докультурному состоянию, это — путь претворения самой культуры в новое бытие, в новую жизнь, в новое небо и новую землю. Лишь на этом пути ворвавшиеся в культуру варварские звуки и жесты могут быть соподчинены новому космическому ладу и новому космическому ритму. Не только искусство, но и все творчество человеческое безвозвратно погибнет и погрузится в изначальную тьму, если оно не станет творчеством жизни, творчеством нового человека и его духовным путем» [12].

Борьба между новым и старым, между созиданием и разрушением приняла такой острый и непримиримый характер, что привела фактически к переделу мира и гибели многих человеческих ценностей. Социальная революция 1917 года в России, с ее старым социологическим миропониманием, ставила перед собой в основном материальные цели и пренебрегала духовным смыслом грядущего Нового мира. Новое космическое мышление, которое зарождалось в поле Духовной революции, было чуждо руководителям и участникам революции социальной. В результате обе эти революции, совпавшие во времени и пространстве, оказались резко противоположными друг другу не только по идеологии и целям, но и по используемым средствам. Те, кто представлял Духовную революцию — поэты, художники, философы, пророки, — звали к восхождению и говорили о духовных крыльях Нового мира. Те же, кто участвовал в социальной революции, наоборот, искали Новый мир на окровавленной земле среди обломков старого мира. В апокалиптической ночи шла борьба между крылатыми, звавшими вверх,— туда, откуда на Землю лился свет Высокого Инобытия и где сверкала лиловая звезда

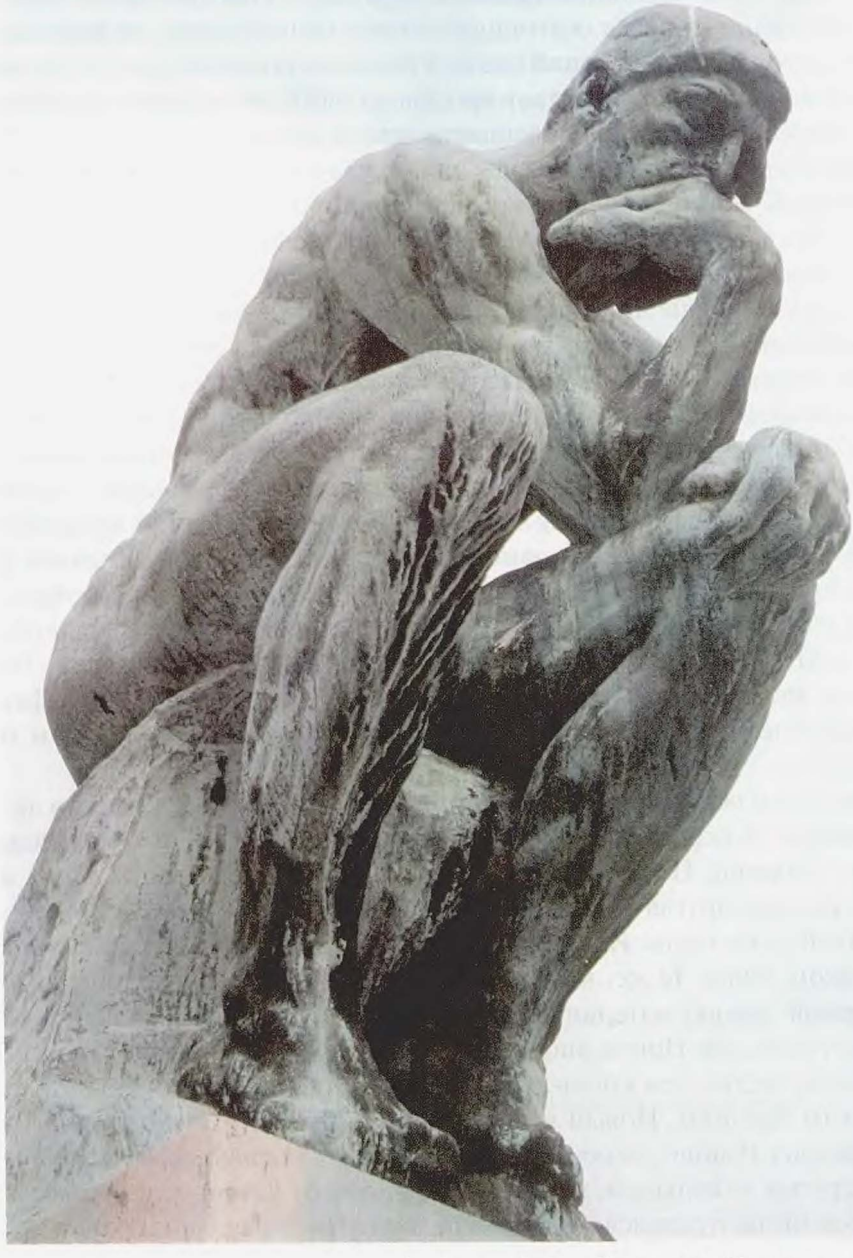
нового творчества, – и бескрылыми, не признававшими ничего, что не укладывалось в рамки их плоского маломерного мышления. Первая схватка между ними кончилась поражением крылатых, их трагической гибелью, их жертвоприношением.

Духовная революция — это процесс, который обычно растягивается во времени на несколько веков, а порой и больше, ибо он связан с внутренним миром человека, с развитием его духа и расширением его сознания. Социальная революция — это внезапный взрыв, вспышка накопившейся энергии, происходящая во внешнем слое материи Бытия и имеющая свой не только земной, но и космический смысл. «День истории, — писал Н.А.Бердяев, — перед сменой ночью всегда кончается великими потрясениями и катастрофами, он не уходит мирно. <...> И мы должны всегда помнить, что страшные войны и революции, крушения культур и гибель государств не только создаются злой волей людей, но также посылаются Провидением» [13]. Будучи эволюционным взрывом, социальная революция несет в себе разрушительный заряд, который уничтожает старое, мешающее дальнейшему продвижению. Космический смысл революционного взрыва — в разрушении старого, а не в созидании нового. Поэтому какие бы справедливые лозунги революция ни выдвигала, она сама не в состоянии их реализовать. Этим занимаются те режимы и те люди, которые приходят к власти после революции. Требовать созидания от революции и ее вождей — все равно что ждать от взрыва, расчистившего площадку для строительства нового здания, чуда немедленного вознесения этого здания. Его будут строить не «подрывники», а те, другие, которые сами выберут материал для строительства. Каким же будет этот материал — покореженные осколки старого или ладные кирпичи нового, — зависит от самих строителей и от того, какой смысл они вкладывают в свое созидание.

Русская социальная революция отличалась от предшествующих ей, французской и английской, тем, что вместе с ненужным старым хламом она уничтожила и вековые культурные накопления, которые лежали в основе традиционной жизни народа. Поэтому то новое, что хотела создать послереволюционная Россия, в отличие, например, от Франции, не имело под собой фундамента и здание «нового мира» шаталось, скрипело и наконец рухнуло в конце XX столетия. Осмысливая эту особенность, выдающийся литовский поэт Юргис Балтрушайтис, преданно служивший стану Духовной революции, писал: «...не столько от внешнего, сколько, может быть, от внутреннего разлада и натяжения вещей и судеб, разразилась мировая война, она пошатнула и расшатала самую основу всечеловеческой жизни и превратила в один ужасающий вихрь всю стихию бытия. А из бедствия войны огненной лавой, накопленной веками, из самой сердцевины земли, может быть, от самой сердцевины мира, вырвалась Революция: она подожгла наш зачумленный дом с другой стороны, с другого конца иным пламенем; <...> погибла в огне вся прежняя плесень и затхлость жизни, равно как погибло и многое святое на время и многое святое навсегда» [14].

1. *Огюст Роден.* Врата ада. 1880–1917

2. *Огюст Роден*. Врата ада. Мыслитель. 1880

Культура во времена всемирных потрясений всегда имела свое, особое взаимодействие с революцией, имела свой, наработанный ею веками ритм. В июне 1917 года Андрей Белый опубликовал статью «Революция и культура», в которой попытался осмыслить этот процесс. «Цвет культуры – *зеленый*, — писал он, — и цвет революции — *огненный*. С точки зрения этой, изорвана эволюция человечества революционными взрывами: то бежит раскаленная лава *кровавым* потоком по зеленеющим склонам вулкана, то по ним пробегает *зеленая* поросль культуры, скрывая остывшую, оземленевшую лаву; революционные взрывы сменяют волну эволюций; но их кроют покровы бегущих за ними культур; за зеленым покровом блистает кровавое пламя, и за пламенем этим опять зеленеет листва; но *зеленый* цвет дополнителен *красному*» [15].

Андрей Белый, поэт и философ, нашел удачный ритмический образ взаимодействия Культуры и революции. Безусловно, период Культуры более длителен, чем время революции. Но русская революция нарушила дополнительность красного и зеленого цветов. После нее почему-то не появилась густая зеленая поросль уцелевшей и развивающейся Культуры. На остывшей лаве революции возникли то там, то здесь лишь чахлые травинки и кустики, которые и культурой назвать можно было с большим трудом. Они не смогли полностью, как это было в предшествующих революциях, закрыть красный цвет. Он остался в послереволюционной России как вечное напоминание о Великой революции, идеология которой определила развитие послереволюционного общества. Поэтому и сбился космический ритм красного и зеленого. Память о Великом духовном Учителе, пришедшем в начале нашей эры на Планету, была убита, а храмы Его разрушены и осквернены. Философская категория Бога, или Космического Иерарха, или Высшего, была отвергнута. «Новый мир» и «новый человек» должны были обойтись без этого. Красная лава не остывала на протяжении всего XX века. Этот феномен породил проблему, которую пришлось решать только этому веку и только его Культуре.

Космический ветер запел о Новом мире и Новом человеке задолго до Великой революции. И первыми, кто услышал эти напевы, были поэты, художники, философы, пророки. Перед человечеством оказались две дороги. Одна из них вела в эволюцию, другая — в инволюцию. Одна была с Богом, другая — без Него. Третьей – не было. Идущие по одной признавали Высшие силы иного, более высокого мира. Те же, кто выбрал другую дорогу, не признавали ничего, кроме плотной земной материи. Владимир Соловьев, поэт, философ и пророк, видел в наступающей Новой эпохе Нового, духовного, человека, связанного с Высшим более тесно, чем когда-либо, и в своем творчестве жизни сотрудничающего с этим Высшим. Новый человек должен был вырасти в богочеловека и теурга. Фридрих Ницше, немецкий философ, представлял себе нового человека совсем другим — сильным, гордым, свободным от Бога и устаревшей морали. Сам себе бог, он не нуждался ни в чьей помощи ни снизу, ни сверху.

Концепция первого была рождена высокой духовной энергетикой России, концепция второго — научным материалистическим мышлением и начавшей бурно развиваться техногенной цивилизацией Европы. Оба типа нового человека, порожденные мыслью и Востока и Запада, в XX столетии получили мировое звучание. И не только мировое, но и космическое. В их противоположности друг другу отразилась основная драма века — противостояние духа и материи, эволюции и инволюции, двух путей к Новому миру. В пространстве взаимодействия противоборствующих сил шли противоречивые процессы Духовной революции и складывалось новое художественное и философское мышление XX века. Духовная революция начиналась с внутреннего духовного переворота в самом человеке. «Изменилась перспектива, — писал в связи с этим Н.А.Бердяев. — Получалась иная направленность сознания. Раскрылись глаза на иные миры, на иное измерение бытия» [16]. И чем ярче разгоралась в глубинах Космоса и в человеческой душе заря Нового мира, тем острее и ожесточеннее становилась схватка между противоположными силами, между старым и новым мировоззрением.

«Мир содрогается от напряжения, — сказано в одной из книг Живой Этики. — События нагнетаются. На всех планах энергии Света состоят из всех устремлений создать лучшее будущее и удержать Мир от разрушения. Силы тьмы проникают под всеми личинами Света, стараясь уничтожить созданное Светом и там, где возможно, разрушить основание строительства. В этой грозной эпохе Армагеддона особенно необходимо осознать силы, движущие действиями каждого дня, каждого события, каждого явления, ибо настало время выбора, и нет средины на пути к Миру Огненному» [17].

2. «УСТА, ЗАПЕКШИЕСЯ КРОВЬЮ...»

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом обьят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

Александр Блок

Стихотворение «Гамаюн, птица вещая», процитированное в эпиграфе, было создано Александром Блоком в 1899 году — за год до наступления нового, XX века под впечатлением картины В.Васнецова. Написав о Вещей птице, поэт как бы сам стал ею, и пророчества, которые он вложил в ее уста, были его пророчествами. Это он, Александр Блок, предсказал:

И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых... [18]

Особой интуицией поэта он ощутил все то, что должно было свершиться в будущем в России и в мире.

Хотя XX век был особенно богат пророками-поэтами, пророками-художниками и пророками-музыкантами, Блок занимал в этом ряду выдающееся место. В его поэме «Возмездие» есть такие строки:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...

И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи [19].

Теперь мы знаем, что век XX действительно прошел и через «неслыханные перемены», и через «невиданные мятежи».

Вспоминая о днях революции 1905 года, поэт записывал в своем дневнике: «Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот. Я первый, так давно тайно хотевший гибели, вовлекся в серый пурпур, серебряные звезды, перламутры и аметисты метели. <...> За миновавшей вьюгой открылась железная пустота дня, продолжавшего, однако, грозить новой вьюгой, таить в себе обещание ее. Таковы были междуреволюционные годы, утомившие и истрепавшие душу и тело. Теперь – опять налетевший шквал (цвета и запаха определить не могу)» [20]. Запись была сделана в августе 1917 года. Полагаю, что «налетевший шквал» был предчувствием грядущей Октябрьской революции, «цвет и запах» которой ему предстояло еще ощутить на себе в реальной жизни. Осмысливая все события тогдашнего неспокойного времени, Блок назвал их «*вихрем атомов* космической революции» [21], в чем был глубоко прав. Его пророческий дар был тесно связан с ощущением космических процессов, происходивших в иных мирах и опережавших земные события. Пророческий гений Блока черпал свою информацию на той таинственной границе, где Инобытие соприкасается с нашим плотным миром. Он глубоко и точно ощущал не только «вихрь атомов» космической революции, но и тот застой старой жизни, который предопределил неизбежность революционной метели, разразившейся в ночи XX века.

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... – «Проснитесь, мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...

Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле... [22]

Стихотворение помечено 1903 годом. В нем – ощущение жизни между сном и явью ничего не видящих и не сознающих «вечерних людей», которым снятся странные сны прошлого, где «тени идут и виденья плывут». «Проснитесь, мы тут...» — окликает их кто-то таинственный. «Что было на небе — теперь на земле...» Все наступило, все свершилось. Прошлые сны потеряли свой смысл. Рок стоит над спящими «вечерними людьми» – неотвратимый и неумолимый, предвещающий им гибель.

Будут страшны, будут несказанны
Неземные маски лиц... [23]

А вот фрагмент стихотворения «Я видел огненные знаки», написанного Блоком в 1904 году.

И я не знал, что вечер близок,
Что день мелькнул мне одному,
Что там, где дух безмерно низок,
Готовятся изведать тьму,

И в диком треске, в зыбком гуле
День уползал, как сонный змей... —
Там счастью в очи не взглянули
Миллионы сумрачных людей [24].

Стихотворение в особых комментариях не нуждается. Строки же «что там, где дух безмерно низок, готовятся изведать тьму», пророчески глубокие и мудрые, могут послужить эпиграфом не только к грядущим событиям в России, но и к истории всего XX века. С каждым прошедшим годом предчувствие наступающей катастрофы становилось у Блока все острей. «Так или иначе, — писал он в 1908 году, — мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но *в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа*. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами — громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы» [25]. Раскаленная лава катастрофических событий подходила все ближе, и сны поэта все больше и больше наполнялись пророчествами. Они освещали неземным светом происходящее, делая его смысл ясным и грозным.

В 1911 году Блок отметил в своем дневнике: «Все ползет, быстро гниют нити швов изнутри ("преют"), а снаружи остается еще видимость» [26].

А вот его впечатления от пасхальных дней 1912 года, в которых уже не было ни солнца, ни пасхальной радости, ни устойчивости самой традиционной жизни: «Мороз, черные толпы, полиция, умирающие архиереи тащатся, шатаясь, по мосткам между двумя шпалерами конных жандармов. Все время слышна команда. Петр и собор в белых снежных пятнах, пронзительный ветер, Нева вся во льду, кроме черной полыньи вдоль берега — тяжелая, густая вода» [27].

Потом этот же ветер задует, засвистит в его пророческой поэме «Двенадцать», которую не смогут понять его современники и истинный смысл которой начинает проявляться для нас только сейчас.

Ветер, ветер —
На всем божьем свете! [28]

Поэт назвал этот ветер черным. Время между двумя революциями, Февральской и Октябрьской, для Блока было наполнено пророческими снами, голосами и все более растущим чувством надвигающейся беды.

Прислушиваясь по ночам к городскому шуму, он улавливал за ним еще какой-то гул. В августе 1917 года он записал в своем дневнике: «Ночь (на воскресенье) производит впечатление рабочей, городской шум еще не улегся, гудки, горят фонари над заводами. А мерцающие вспышки, желтые, а иногда бледные, охватывающие иногда большую полосу неба, продолжаются, и мне начинает казаться, что за городским гулом я слышу еще какой-то гул» [29].

Потом это у него повторится в 1918 году, но уже более четко и определенно. «...Во время и после окончания "Двенадцати", — писал он, — я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)... Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства» [30]. Этот гул, или шум, проходя через духовное пространство поэта, как бы распадался, и из него возникали образы и видения. Блок наблюдал, как пытались установить революционный порядок, и ощущал всю его опасность. «Нет, я не удивлюсь, еще раз, если *нас* перережут во имя П О Р Я Д К А» [31]. Он не увидел его и не услышал криков и стонов жертв нового времени. Он не услышал их физически, но ощутил в своем духовном поле. Блок пишет, что нервы его расстроены, что он уже не выдерживает того, что приносит ему его пророческий дар. Дар тяжелый и непосильный, особенно в дни мировых катастроф, через которые Россия проходила в военные и революционные годы. Эти годы убили его. Гениальным поэтам и пророкам нет места в революциях и войнах. Блок был слишком интуитивен, тонок и духовно развит, и разразившаяся катастро-

фа обрекла его на гибель. Он умер в 1921 году, оставив нам свое последнее пророчество: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому великой» [32].

Русский философ Г.Г.Шпет отмечал: «Назначение художника: увидеть. Увидели ли наши художники новую действительность в нашей старой сущности? Общее мнение, что увидел Блок. Я думаю, что увидел Андрей Белый» [33].

Сам Андрей Белый утверждал:

Ах, восстанут из тьмы два пророка,
Дрогнет мир от речей огневых.
И на северных бедных равнинах
Разлетится их клич боевой
О грядущих священных годинах,
О последней борьбе мировой [34].

Оба пророка достаточно ясно угадываются по «последней борьбе мировой». Русская социальная революция выдвинула своих «пророков», и убила, и изгнала пророков истинных.

В 1921 году, когда еще только начинались эксперименты супругов Кюри с атомами, Андрей Белый написал такие стихи:

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшею бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой... [35]

И это тогда, когда еще никто себе и представить не мог, чем обернется для мира расщепление атома, угрожающее гибелью миллионам людей.

Одни поэты заглядывали в ближайшее будущее, другие — в дальнее. Но все они своими пророчествами уже писали грядущую историю России. Осип Мандельштам, выдающийся русский поэт, еще в 1906 году создал стихотворение, смысл которого тогда многим был неясен.

Среди лесов, унылых и заброшенных,
Пусть остается хлеб в полях нескошенным!
Мы ждем гостей незваных и непрошеных,
Мы ждем гостей!

Пускай гниют колосья недозрелые!
Они придут на нивы пожелтелые,

И не сносить вам, честные и смелые,
Своих голов!

Они растопчут нивы золотистые,
Они разроют кладбища тенистые,
Потом развяжет их уста нечистые
Кровавый хмель!

Они ворвутся в избы почернелые,
Зажгут пожар, хмельные, озверелые...
Не остановят их седины старца белые,
Ни детский плач!

Среди лесов, унылых и заброшенных,
Мы оставляем хлеб в полях нескошенным.
Мы ждем гостей незваных и непрошеных.
Своих детей! [36]

Потом, когда станут взрослыми дети тех, кто, как и сам Мандельштам, родился в последнее десятилетие XIX века, проявится страшный и беспощадный смысл этого пророческого стихотворения. За его строками стоял дикий разор русской деревни конца 20-х — начала 30-х годов XX века. Профетичность рождалась синтезом. В одном человеке порой совмещались поэт, философ и пророк. Россия была тем пространством, где подобное явление было представлено наиболее ярко и широко.

Ослепительная вспышка истинного искусства на рубеже столетий была подготовлена расцветом русской культуры XIX века. Ее поэзия дала блестящие образцы пророчеств. Пушкин, Лермонтов, Тютчев и многие другие проложили тот духовный мост, по которому прошли в XX век народившиеся после них поэты, пророки, философы, художники.

Тютчев — «вещее явление, — писал Н.А.Бердяев. — Он предшественник ночной исторической эпохи, провидец ее» [37]. Тютчев уже тогда, в 30-е годы XIX века, почувствовал зыбкость и ненадежность Бытия, ослабление твердости его границ, текучесть его материи.

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул... [38]

Будучи не только поэтом, но и философом, он сумел отразить в своей поэзии и таинства природы, и тонкие движения во внутреннем мире

человека. Он вскрыл духовную подоплеку взаимодействия Космоса и Хаоса и нашел для этого удивительный мифологический образ.

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах! [39]

У Тютчева поэзия выливалась в философию. У Владимира Соловьева, наоборот, философия выливалась в поэзию. Казалось, он предвидел грядущую Россию и ту ее историческую альтернативу, которая была чревата бедой.

О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа? [40]

В 1920 году Александр Блок писал, что в работах Соловьева «немногие строки отвечают сегодняшнему дню; но это потому, что не исполнились писания, далеко не все черты новой эры определились. Нам предстоит много неожиданного; предстоят события, ставящие крест на жизнях и миросозерцаниях дальновиднейших людей, что происходило уже в ближайшие к нам годы не однажды» [41]. Блок оказался прав. Прошли годы, и дилемма – Ксеркс или Христос, – казавшаяся тогда многим надуманной, превратилась в актуальнейший сюжет мирового значения. Царь Персии, жестокий и кровавый рабовладелец, оказался предпочтительнее духовного Учителя, проповедовавшего любовь к ближнему. Русские философы Серебряного века сказали немало провидческих слов о социализме, теория которого пользовалась большой популярностью в среде тогдашней интеллигенции, ибо была близка их чувству справедливости, их мечтам о новой жизни и, наконец, их мыслям о разумном обустройстве этой жизни. «Наряду с элементами справедливости, — писал в 1916 году Н.А.Бердяев, — в социализме царит стихия, из которой может развиться общественность антихристова. Ибо антихристова общественность и будет последним результатом безбожного устроения мирского царства, человеческого муравейника, последним воплощени-

ем буржуазности, последним явлением рабского пути необходимости. Только творческая общественность, общественность в духе любви и свободы, в силах противиться общественности антихристовой. Всякая общественность, послушная бремени "мира", на противоположных своих полюсах уклоняется к общественности антихристовой, — на полюсе империализма и социализма, самодержавного государства и социальной республики» [42].

Дурные предчувствия беспокоили и другого философа — Евгения Николаевича Трубецкого. «Возможно, — писал он в том же 1916 году, — что переживаемые нами дни представляют лишь "начало болезней"; возможно, что они – только первое проявление целого грозового периода всемирной истории, который явит миру ужасы, доселе невиданные и неслыханные» [43]. «Возможно» философа через какое-то время стало реальностью, и Россия оказалась свидетелем ужасов, действительно «доселе невиданных и неслыханных». Об этом же предупреждал и великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, пророческий дар которого не может быть подвергнут никакому сомнению. Его «Легенда о Великом Инквизиторе» расставила памятные вехи не только в российской истории, но и в мировой. В ней писатель провидел ту «общественность антихристову», о которой писал Н.А.Бердяев и которая возникнет в России под именем «социалистического строя», а превратится в тоталитарный режим. Концепция такого режима и его побудительные мотивы были определены Достоевским задолго до его реального возникновения.

Роман «Бесы» был написан Достоевским о грядущей русской революции со всеми ее конкретными особенностями. «Он — пророк русской революции, — писал Н.А.Бердяев, — в самом бесспорном смысле этого слова. Революция совершилась по Достоевскому. Он раскрыл ее идейные основы, ее внутреннюю диалектику и дал ее образ. Он из глубины духа, из внутренних процессов постиг характер русской революции, а не из внешних событий окружающей <...> действительности» [44]. И еще: «Достоевский — художник и мыслитель эпохи начавшейся подземной революции, революции в духе людей, в духе народа. На поверхности еще оставался старый строй жизни. <...> Но внутренне все уже было в бурном движении» [45]. Способность художников и философов видеть эти внутренние процессы и получать «внутреннюю» информацию делала их пророками и провидцами. «Литература предчувствовала революцию, революция в литературе совершалась раньше, чем в жизни. Но пророком может быть назван лишь тот, кто духовно возвышается над той стихией, о которой он пророчествует» [46].

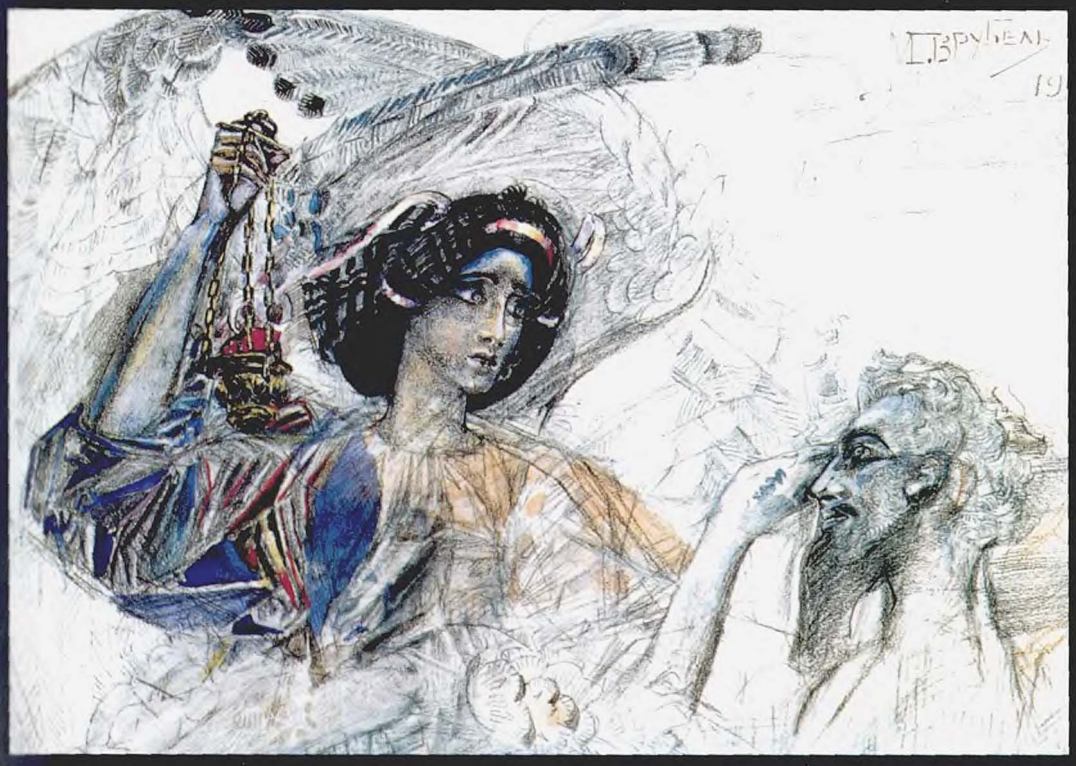
Сегодня опережающая роль искусства в истории человечества уже не отрицается, но и не воспринимается еще должным образом. Русское

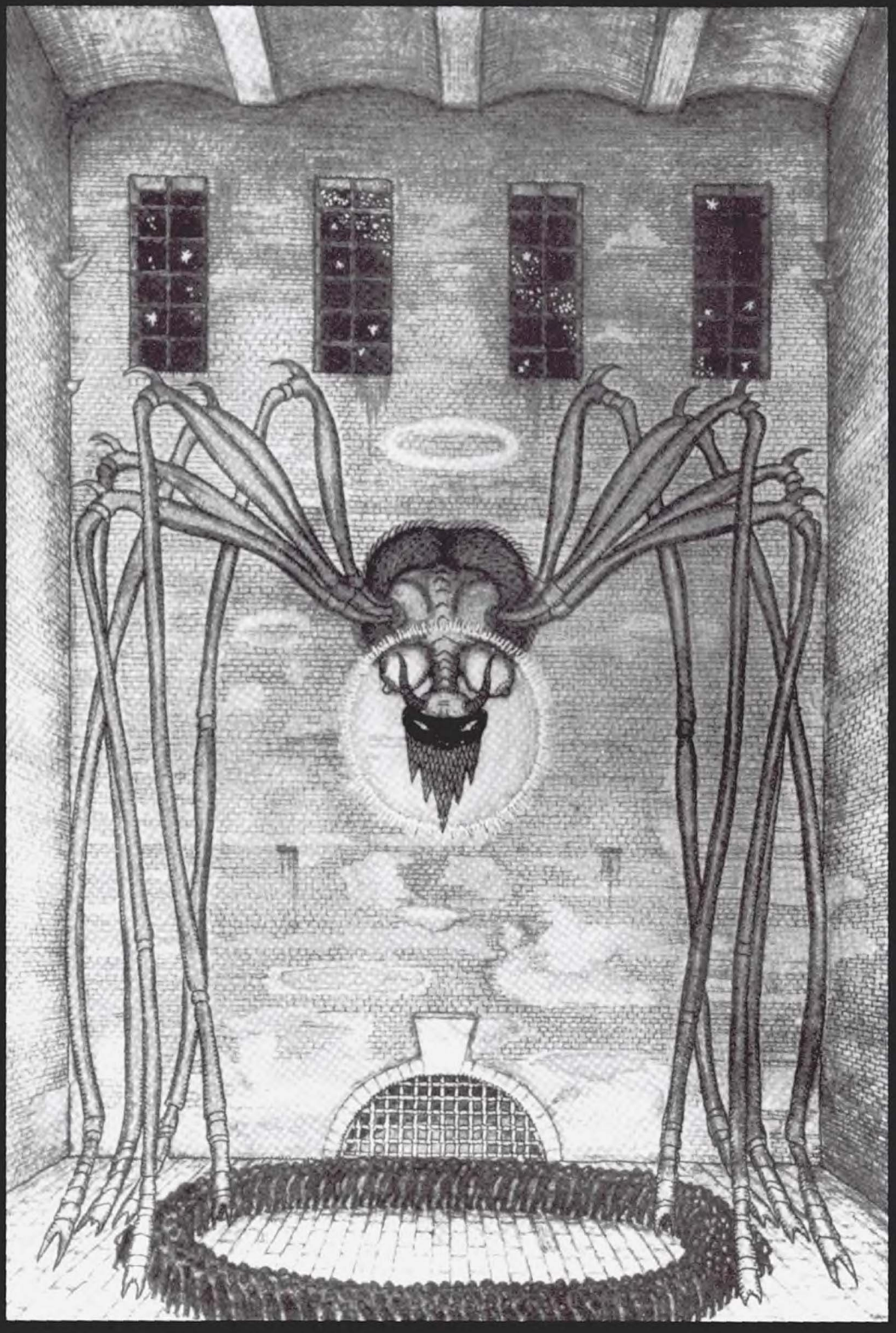
3. *В. Васнецов.* Гамаюн — птица вещая. 1895

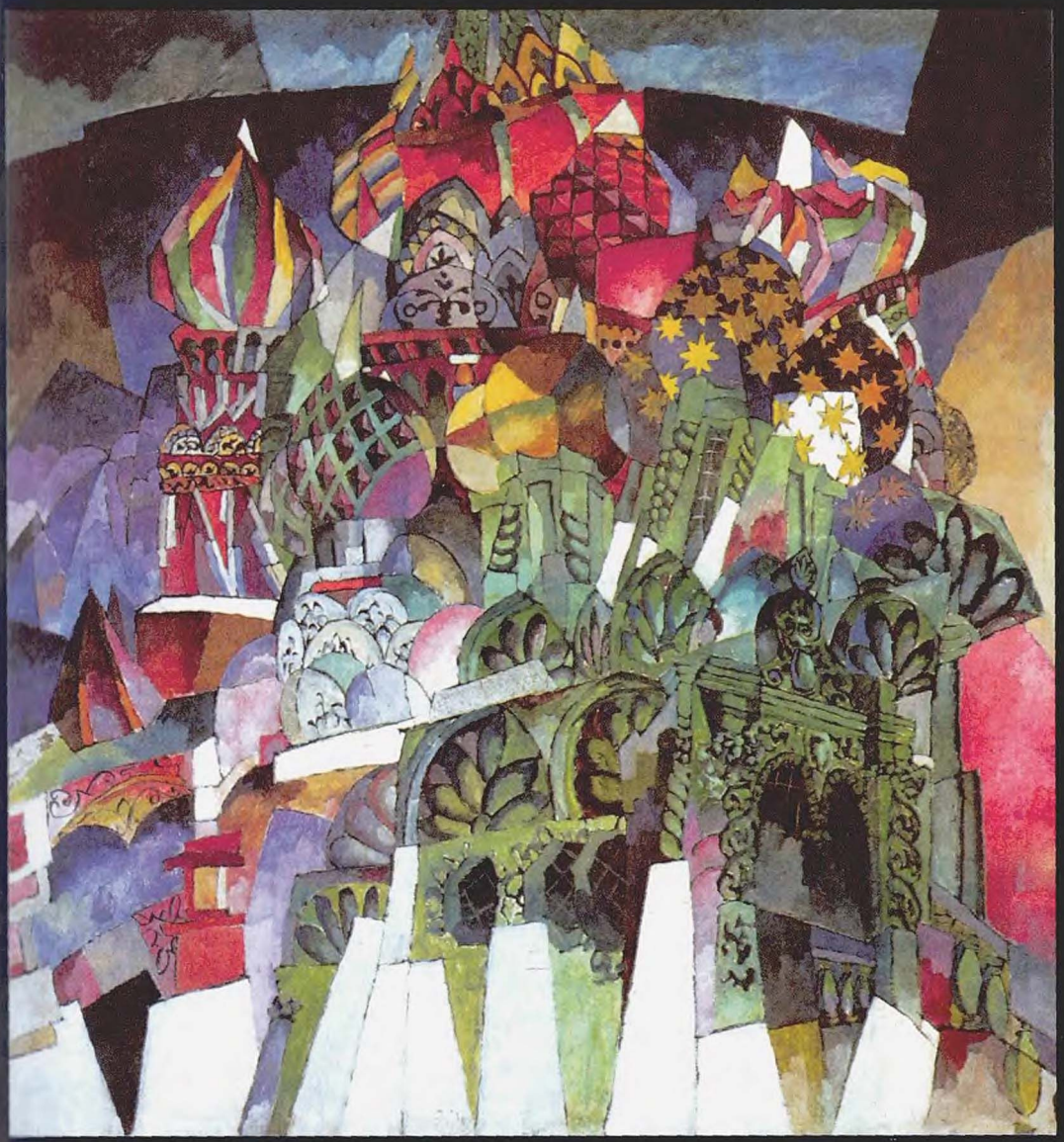
4. *М. Врубель.* Пророк. 1898

5. *М. Врубель.* Шестикрылый серафим. 1904

6. *М.Добужинский.* Дьявол. 1907

7. *А.Лентулов.* Василий Блаженный. 1913

